

Глава III В КОЛЬЦЕ

Музеи блокадного Ленинграда

«До чего он был прекрасен в необыкновенную солнечную осень 1941 года и – и до чего он великолепен в суровейшую зиму страшного 1942 года. 22–29–30 градусов Цельсия. В течение трех месяцев – воздух, промерзший насквозь, здания засыпаны снегом и стоят на белом ковре; на решетках, на украшениях, скульптурах, памятниках иглы инея в несколько сантиметров длины. Сквозь промерзшую розово-золотую мглу воздуха яркое солнце освещает лаконичные памятники Ленинграда, сообщая им аспект гигантских призраков. Все лишено ненужных подробностей, все смягчено в контурах, формах. Лаконический стиль города еще удешевлен этим в сторону прекрасного. Северная Пальмира! Да, тот, кто жил эту зиму в Ленинграде – может этому определению поверить, видя город в этом освещении зимнего солнечного дня, зимнего заката, долгой зимней лунной ночи при одной луне, без другого освещения. Город – монументальная сказка. Исаакий – розово-серое видение, улица России – как бы фарфор веджвуд, золотисто-розовый, над которым нежный, весь пронизанный морозом бархат голубого неба. Нет места для анализа, разум уступает место чувствам – видишь истинно прекрасное, где природа суровейшая, жесточайший мороз, едва переносимый, создали из архитектуры, из творения рук человеческих – нечто непередаваемое, нечто неопишимо прекрасное. Написать, нарисовать – нельзя. Можно запомнить и никогда уже не забыть – тем, кто имеет глаза. Но надо сказать, что в эту зиму, со всеми ее ужасами, глаза разверзлись – все говорили: “Как прекрасен наш город!” И это прекрасное открывалось во время войны. И думается, что враг видел и ощущал другой раз это прекрасное, но все же он разил памятники, но не сразил город. Нет! Он стоит, крепкий и прекрасный и сегодня!!!»¹ – этот пронзительно эмоциональный гимн хрупкой красоте, побеждающей варварскую силу, принадлежит перу главного архитектора города на Неве, интеллигента, воспитанного Серебряным веком, Л. А. Ильина. Читая эти строки, невозмож-

но поверить, что написаны они не постфактум в мирное время, а в самый страшный период ленинградской блокады – в декабре 1941-го. Ильин погиб в блокадном Ленинграде, не успев закончить «Прогулки по Ленинграду», опубликованные впервые в 2012 г. (Рукопись сохранилась в Государственном музее истории Петербурга.)

Судьба Ленинграда – особая страница в истории Второй мировой войны. «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид...” – эти строки великого нашего поэта – не холодная классическая риторика. Они страстный гимн классическому образу Ленинграда. Да, именно теперь, когда на стройное тело города сыплются удары воздушных атак и артиллерийских шквалов, нельзя не любить его по-пушкински страстно»², – писал Ильин замерзающими чернилами и стынущей рукой. Так любили, так чувствовали город – словом и делом помогая сохранить красоту – петербургские музейщики. На их плечи легла неимоверная тяжесть сохранения шедевров истории и культуры.

В то время не было мирных профессий. Люди, оберегавшие сокровища музейных фондов, тоже были бойцами, служившими на передовой ответственнейшего из фронтов: они спасали культуру от варварства. Духовность от бездушия. Их мужество, их вера в победу помогли городу выжить и возродиться.

Лето 1941-го. Линия фронта стремительно приближалась к северной столице. 8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Музейные ценности из пригородов, которые не удалось эвакуировать на восток страны, отправили в Ленинград. Их хранилищем предстояло стать Исаакиевскому собору, где размещался Антирелигиозный музей.

Уже в первые дни войны научными сотрудниками Антирелигиозного музея были отобраны экспонаты и материалы из фондов, которым предстояло отправиться в эвакуацию. Здесь были иконы из дерева и перламутра, мелкие предметы культа, деревянная скульптура, проектные чертежи храма, две уникальные деревянные модели собора, выполненные крепостным резчиком, мастером-самородком Максимом Салиным, бюст Огюста Монферрана из различных пород камня, предметы из спецкладовой и многое другое. Все это уложили в ящики, опечатали пломбами и в два этапа эвакуировали за Урал. Оставшиеся экспонаты были сняты со стендов и сложены в шкафы. Библиотека научного отдела расположилась в одном из подвальных помещений. Церковные облачения поместили в ящики и законсервировали, часть развесили в ризнице. В соборе остались лишь настенная живопись, бронзовая скульптура и мозаика. В июле 1941 г. Исаакиевский собор был закрыт.

Исаакиевский собор – один из ценнейших городских памятников, его сохранение в годы войны являлось государственной задачей. Между тем золоченый купол Исаакия был слишком хорошим ориентиром для фашистской артиллерии и авиации. Именно поэтому он первым из всех ленинградских высотных доминант уже к 9 июля 1941 г. был покрыт серой масляной краской. Окна собора заложили щитами и мешками с песком.

Несмотря на маскировку и на то, что неподалеку, у Адмиралтейства, находилась зенитная батарея, которая отражала воздушные атаки немецкой авиации, Исаакиевский собор в годы войны получил значительные повреждения от бомбардировок и артобстрелов. Осколки бомб и снарядов оставили выбоины на наружной мраморной облицовке стен, в некоторых местах пробили кровлю. Пострадали 10 из 16 колонн северного портика, был поврежден парапет юго-западного угла здания. В январе 1943 г. при разрыве бомбы вблизи собора взрывной волной была выбита часть стекол уникального витража³. Еще одно сильное «ранение» собор получил в декабре 1943 г., когда обстрелы уже утратили свою силу и длительность. Это случилось днем, и сотрудники находились внутри здания. Снаряд покалечил одну из колонн западного портика, отбив от нее кусок гранита. Удар был так силен, что около этого портика разошлись и вздыбились плиты тротуара. Но в подвале он не отозвался ни звуком, ни сотрясением... (В память о Великой Отечественной войне на стилобате западного портика Исаакиевского собора установлена бронзовая доска с текстом: «Это следы одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–1944 гг.»)

По распоряжению Ленгорсовета от 15 июля 1941 г. в Исаакиевском соборе было создано Объединенное хозяйство музеев (ОХМ). Под надежными сводами укрылись сотни ящиков уникальных предметов из фондов пригородных дворцов-музеев Пушкина, Павловска, Петергофа, Гатчины и Ораниенбаума, многие вещи из Музея истории Ленинграда и Летнего дворца Петра I – ценности, которые не удалось отправить в тыл. Сберечь все это было поручено группе музейных работников. Как все ленинградцы, они голодали и мерзли, получали карточки служащих (те самые, трагически известные «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам»). О том, что скрывал в себе Исаакий военных лет, знали очень немногие. Стараниями немногих хранителей, работавших в соборе в годы блокады, были спасены бесценные музейные фонды.

Но именно тогда, впервые в своей истории, он стал не только надежным убежищем, но и домом, в котором жили, работали, прини-

мали коллег-музейщиков Эрмитажа, Русского музея, Кунсткамеры, приходивших консультироваться и консультировать.

С 25 августа 1941 г. исполнение обязанностей директора Государственного Антирелигиозного музея, а затем и Объединенного хозяйства музеев было возложено на старшего научного сотрудника Антирелигиозного музея Е. И. Лединкину. Главным хранителем стала С. Н. Балаева – сотрудник Гатчинского дворца. Кроме них, в соборе всю войну трудились хранители И. К. Янченко из Гатчины, А. И. Зеленова и Б. С. Волкинд из Павловска, Е. Л. Турова из Пушкина, Е. Н. Элькин, А. К. Сементовская и А. А. Черновский из Музея истории и развития Ленинграда, М. А. Тихомирова из Петергофа. Главным архитектором Исаакиевского собора остался, как и в довоенное время, Н. У. Малейн, а группу пожарной охраны возглавил Н. Ф. Мордыко⁴.

Все сотрудники были переведены на казарменный режим. «Население» собора в основном состояло из работников пригородных дворцов-музеев, вывозивших последние партии экспонатов и не имевших своих квартир в Ленинграде. Храм, укrywший спасенные ими музейные ценности, стал убежищем и для них. Здесь находились и работники ленинградских музеев, редко уходившие домой. Все они ютились в подвалах, ставших жилыми в страшную первую блокадную зиму: это позволяло экономить силы – пеший путь домой (трамваи перестали ходить в начале декабря – когда отключили электричество) был долг и мучителен.

С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады – 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей и детской⁵. Рабочие карточки в ноябре–декабре 1941 г. получала только треть населения. Из воспоминаний технолога одного из ленинградских хлебозаводов Г. Канаевой: «Мы растягивали запасы муки как могли – клали всего 40 %. Остальное – примеси: жмых, целлюлоза, овсянка, солод. Изощрялись до того, что вымачивали пустые мешки и осадок добавляли в хлебную массу»⁶.

Зима 1941/1942 г. была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре–феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, даже обогреваемых «буржуйками», она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г. С марта 1942 г. жить в соборе стало невозможно. Даже мороз на улицах города переносился легче, чем сырой холод Исаакия. Некоторые сотрудники были эвакуированы в Сарапул и Новосибирск, где находились тыловые хранилища дворцов-музеев. Н. В. Вейс, сотрудник Павловского дворца, оставался на хранитель-

ской работе в соборе до эвакуации в августе 1942 г. Здесь же работала его жена, бывшая до войны экскурсоводом⁷.

Пушкинские хранители Т. Ф. Попова, практичность которой позволяла ей даже в самые голодные дни поддерживать коллег, и В. В. Лемус, чей юмор скрашивал подвальные вечера, эвакуировались в 1942 г. в Сарапул. В Исаакиевском соборе остались немногочисленные сотрудники и небольшая группа пожарной охраны и подсобных рабочих. Большой музейный опыт был у С. Н. Балаевой. До войны она двадцать лет работала в Гатчине. Всегда сдержанная, собранная, аккуратная до педантизма во всем, что касалось дела, она не допускала никаких скидок на тяжелые блокадные условия. Наоборот, постоянно подчеркивала, что они налагают особые обязательства. Серафима Николаевна была неутомима в борьбе за сохранение музейных экспонатов.

И. К. Янченко отличала особая внутренняя сила и глубокая серьезность. Эти качества накладывали отпечаток на все, что она делала. Ирина Константиновна всегда сохраняла бодрость, собранность и неисчерпаемый запас жизненных сил. К сожалению, ей не довелось закончить ленинградскую эпопею и вернуться домой. Она погибла 8 августа 1943 г.⁸ Этот день, ставший одним из самых страшных за все время блокады, ленинградцы называли «кровавым воскресеньем». Невероятно мощный обстрел обрушился на город, снаряды сыпались градом. Один из них убил Янченко на углу Невского и Садовой и ранил ее маленького сына.

Немало сделали для Объединенного хозяйства музеев сотрудники ленинградского Музея истории и развития города – А. К. Сементовская и Е. Н. Элькин, человек энциклопедических знаний.

Их коллега, уже пожилой человек, А. А. Черновский тоже ежедневно приходил на работу в собор. Будучи историком города, с первых дней войны и до последних дней своей жизни он вел дневниковые записи, повествующие обо всех тяготах блокадного времени и ставшие теперь бесценным документом. Он умер от голода в апреле 1942 г.⁹ К этому времени в Объединенном хозяйстве музеев осталось 12 сотрудников, выполнявших хранительскую и научно-исследовательскую работу.

В полумраке длинными рядами расположились сотни ящиков с надписями «Пушкин», «Павловск», «Гатчина». Кое-где группировалась уже распакованная золоченая мебель – уникальные ценности, требующие особой заботы. В первую блокадную зиму собор не отапливался и промерзал настолько, что иней выступал на стенах и пилонах внутри здания. Через пробойны внутрь проникала влага. От сырости, отсутствия вентиляции и отопления, перепада температур и промерзания разрушался гипсовый орнамент. Поверхность стен

и мозаики покрывалась плесенью, на мраморной облицовке появились трещины и сколы, красочный слой росписей осыпался, а весной вода каплями выступала на внутренних стенах и колоннах, струйками сбегала вниз, образуя на каменном полу непросыхающие лужи¹⁰. Здесь должны были пережить войну ткани, мебель, ковры, живопись и многие другие предметы, не переносящие влаги. Мощные стены Исаакия, оберегавшие произведения искусства, в то же время несли в себе и угрозу. С этим боролись музейщики.

Хранители обследовали повреждения собора, полученные в условиях военного времени, вели подготовку к ремонтным работам. Много сил было потрачено на откачку воды из подвалов после аварий весной и летом 1942 г. Вода заполнила тогда почти все подвальные помещения. Нужно было вытаскивать хранившиеся внизу намокшие ящики с музейными экспонатами и просушивать их. К счастью, почти все вещи остались невредимыми, за исключением ораниенбаумской мебели и библиотечного материала из Музея истории города: их спасали из ледяной воды и сушили на первом весеннем солнышке: других средств спасения у музейщиков не было.

В соборе были введены круглосуточные дежурства научных сотрудников. В обязанности хранителя входили обходы и сверка наличия музейного груза, контроль сохранности пломб и регистрация в «Книге дежурств» условий содержания (температурных колебаний, влажности, аварийных случаев). Из записей С. Н. Балаевой в такой книге узнаем, что в декабре 1942 г. температура в соборе упала до минус 20 °С, а влажность в марте следующего года составила 89 %. Такой режим являлся просто немыслимым для сохранности музейных фондов¹¹.

В этих условиях благополучнее всего «чувствовали себя» мрамор, произведения из камня, стекла и фарфора. Их достаточно было вынуть из быстро сыревшего сена и установить так, чтобы уберечь от ударов и толчков.

Труднее было с произведениями из металла и золоченой бронзы – им угрожала коррозия. Приходилось постоянно следить за ними, вскрывая ящики. Еще хуже обстояло дело с мебелью. Клей размокал, отслаивалась фанеровка, могла пострадать ценная гобеленовая или шелковая обивка.

Весной 1942 г. выяснилось, что ящики, поставленные в соборе в целях экономии места один на другой, в несколько ярусов, мешают правильной циркуляции воздуха. Это стало угрозой для уникальной соборной живописи.

Пришлось растаскивать ящики и устанавливать их не просто в один или два ряда и так, чтобы между ними оставались проходы. Этой

работой занимались женщины, истощенные, измученные голодом и холодом. Они разгружали, двигали, таскали. Они надеялись и верили, что хранимая ими красота понадобится в будущем, после войны. Как были созвучны этим ощущениям строки Ольги Берггольц, прозвучавшие по Ленинградскому радио:

*«Уже страданьям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравнения.
Но мы в конце тернистого пути
и знаем – близок день освобождения».*

Для проветривания здания настежь отворялись тяжелые двери. От этого образовывались такие сквозняки, что собор становился похож на палубу быстро несущегося корабля. Сырость и холод Исаакия губили не только бесценные вещи, но и самих музейных сотрудников, которые в конце рабочего дня выходили из собора застывшими, бледными до синевы, с негнувшимися, окоченевшими руками.

Но в этом холодном, внешне безжизненном здании было одно теплое, уютное местечко: маленькая будочка – бывшая касса музея, находившаяся у одной из мощных колонн южного портика. В крошечном помещении стояли лишь столик и скамья. Всегда топилась печурка, и на ней постоянно кипел чайник. Зимой будочка становилась научным кабинетом, приемной и залом заседаний одновременно. Здесь отогревались и отдыхали, здесь составляли акты о проверках вещей, писали статьи, обсуждали планы работы.

Уже тогда коллектив научных сотрудников начал собирать материалы, необходимые для восстановления и реставрации законсервированных памятников архитектуры и искусства, разрушенных за время войны пригородных дворцов-музеев и парков. Именно в дни блокады, находясь в Исаакиевском соборе, сотрудники Гатчины, Пушкина и Петергофа разрабатывали подробные планы для будущих монографий об этих пригородах¹².

Научно-исследовательская работа сотрудников музеев Гатчины, Павловска, Петергофа, находившихся в блокадном Ленинграде, была устремлена в будущее. Хорошо зная, что оставит враг после себя, они заранее готовились к возрождению дворцов-музеев. Так, в 1943 г. И. К. Янченко составила каталог по историческим помещениям Арсенального кара Гатчинского двора (архитектурно-декоративное и мебельное убранство, сведения по истории создания и позднейших реставрациях, о состоянии к началу войны): С. Н. Балаева подобрала и проанализировала изобразительный материал, описание

Большого Петергофского дворца было сделано М. А. Тихомировой; А. И. Зеленова проделала аналогичную работу по Павловскому дворцу-музею. Кроме того, сотрудники Объединенного хозяйства музеев вели специальные занятия по истории пригородных дворцов и парков с кинооператорами «Лентехфильм» с тем, чтобы помочь им правильно определить первоочередность съемок в Гатчине, Павловске, Петергофе и Пушкине, когда эти места будут освобождены от фашистских оккупантов¹³.

Еще одним «фронтом работ» для хранителей были лекции по истории города, истории ратной славы, о преемственности поколений в борьбе с захватчиками: работников музея приглашали в воинские части. Любовь к городу, гордость его традициями, его историей, его памятниками приобрели в годы войны особую силу и значение.

В распоряжении хранителей была еще и комната в подвале собора. Сюда входили через маленькую боковую дверь с того же южного портика. Чтобы попасть в небольшое помещение, оборудованное для работы, нужно было спуститься по скользкой каменной лестнице, пройти по лабиринту темных коридоров, по доскам, под которыми хлюпала вода. Здесь стояли шкафы с документацией фондов, большой письменный стол, стулья, печка. Но сотрудники работали в этой комнате редко, поскольку уйти в подвал значило оторваться от внешнего мира, не знать, что происходит вокруг, даже в самой непосредственной близости к собору. Там, снаружи, люди слышали разрывы снарядов и стук метронома (во время воздушной тревоги он стучал не 60 раз в минуту, как обычно, а в два раза быстрее). Сюда же не долетало ни звука извне. Здесь всегда стояла глухая тишина.

По страницам архивных документов, посвященных приказам по Объединенному хозяйству музеев, можно проследить как сухие факты истории, так и судьбы людей. Несмотря на военные действия, они работали, выполняли свои обязанности, болели и получали выговоры, как, например: «Бриллиантову Б. Л., коменданту Объединенного хозяйства, объявляется строгий выговор с предупреждением за нарушение правил по светомаскировке здания Музея истории и развития Ленинграда». Были и трагические записи. Вот лишь одна из многих: «Дворник антирелигиозного музея Околот В. Ф. в связи со смертью исключен из списков личного состава»¹⁴.

Летом основным местом работы становился южный портик собора. Только там, за высоким забором, можно было просматривать, просушивать и проветривать, то есть «лечить воздухом» музейные вещи. Забор скрывал необычное и яркое зрелище. На веревках, привязанных к колоннам, сушились яркие полотнища тканей и вышивок. На

гранитных плитах портика стояли золоченые кресла и диваны, между колоннами на веревках развевались на ветру многоцветные ковры, портьеры и гобелены, а у основания колонн размещались картины, вынутые из рам (их сушили, поворачивая обратной стороной холста к солнцу)¹⁵.

В тяжелейшей деятельности по выносу вещей на портик принимали участие все сотрудники вместе с пожарной охраной. Вещи «дышали воздухом» до вечера, потом их возвращали обратно в собор.

Когда Исаакий оказывался в районе обстрела, приходилось все эти подчас непосильно тяжелые для изможденных людей кресла, диваны и ковры затаскивать внутрь. А когда опасность отдалялась, вновь выносить на портик – для «лечения» необходимо было пользоваться каждой минутой.

Настал январь 1944 г. Работа в соборе продолжалась, но дыхание победы уже веяло над городом. Советские войска перешли в наступление, и каждый день приносил радостные вести.

19 января был освобожден Петергоф, в последующие дни – Пушкин, Павловск и Гатчина. А 27 января гремел над Невой первый салют Победы – блокада была снята. Этот день стал великим праздником для Ленинграда. А для хранителей в Исаакии он означал начало новой работы, к которой они готовились все долгие месяцы блокады, – работы по восстановлению музеев.

В начале 1944 г. существенных работ не велось ввиду низких температур и условий военного времени. В этот период проводилась уборка снега, ремонт жилфонда, устранение дефектов, связанных с зимним временем. Во II квартале деятельность была направлена на предотвращение протечек в кровле здания, т. к. вследствие влажности могли появиться грибки – разрушители древесины. Кроме того, были ликвидированы дефекты в кровле, нанесенные артобстрелами и бомбежками. Стоимость строительных работ за весь 1944 г. составила 137 тысяч рублей. Хотя ремонтные работы начались еще в военное время, основная реставрация продолжалась с 1945 до 1963 г.¹⁶

В отчете о работе ОХМ за 1944 г. можно увидеть, как шли ремонтные и восстановительные работы. Были просушены и очищены от плесени 20 живописных полотен, 600 икон; просушены, почищены и проверены 504 церковных облачения; перевезены около 6000 книг из собора в помещение музея города. Одновременно в Исаакиевском проводились работы по уменьшению влажности внутри здания: в летнее время двери держали открытыми настежь, выставив посты охраны.

Расставаясь в конце войны с собором-хранилищем, сотрудники пригородных музеев возвращались в свои дворцы и парки. Балаева – в Гатчину, Турова – в Пушкин, Зеленова – в Павловск, Тихомирова – в Петергоф. Элькин приняла как директор Летний сад и дворец Петра I, туда же ушла работать Сементовская. Но содружество, возникшее под куполом, не распалось. Всех крепко связало пережитое. Так закончилась блокадная история Исаакия, единственный раз в течение всей своей долгой жизни послужившего домом и убежищем произведениям искусства и людям.

«Нет ансамбля площади ни в одном городе мира более цельного, и в то же время военного по облику, чем Дворцовая площадь. Триумфальный военный форум, великий памятник славы и грандиозная сцена военных парадов. Арка штаба Росси и колонна Александровская Монферрана – грандиозные, лаконические элементы военной декорации – самая грандиозная триумфальная арка и самая высокая и простая памятная колонна в мире. Пышное барокко Растрелли, в котором создан Зимний дворец – все же серьезен, грандиозен, не наряден, не игрив, как другой раз архитектура этого мастера. Поэтому Зимний и огромное здание штаба Росси, и колонна слились в один стройный, серьезный, дуалистический по стилю ансамбль, в котором, однако, полное единство архитектоники... Сегодня день ранней зимы. Утром пошел от Эрмитажа по Зимней канавке до самого Певческого мост, когда повернул направо к площади и увидел ее покрытой белой пеленой свежего снега... Невольно первое внимание обращается к колонне, которая сегодня стоит выделенной своим темным силуэтом на сером перламутре земного клина и на белом ковре. Снег, ложась на всех выступах, прекрасно подчеркивает пластику памятника... Колонна среди снега площади напоминает еще сильнее о победе русских в двенадцатом году, трагедии французов у Березины, колонна как бы сошла с тех гравюр, которые изображали в тридцатых годах романтику наполеоновской эпопеи 1812–13 года... Сегодня площадь по колориту сочетается зеленовато и красновато с черным – бронза и гранит, и разных оттенков серые здания [осенью все здания Дворцовой площади были покрашены в серый цвет. – Ю. К.], и Нева... Вся площадь как бы затихла в торжественном полусне»¹⁷ – рукопись Л. А. Ильина лучше всякого фото рисует, пусть и не вполне реальный по военному времени, но мечтаемый, послевоенный одухотворенный облик Эрмитажа и Дворцовой площади. (Заметим: Ильин называет главную площадь города историческим именем, а не советским – площадь М. С. Урицкого, – чье имя она носила с 1918 по 1944 г.)

Большой каскад. 1942 г.

© ФГУК «Государственный музей-заповедник "Петергоф"», Санкт-Петербург

Большой каскад. Современный вид.

© ФГУК «Государственный музей-заповедник "Петергоф"», Санкт-Петербург

Государственный музей-заповедник «Гатчина»

Мраморная столовая в Гатчинском дворце. Фотограф М. А. Величко. 1944 г.

© ГБУК Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина», Ленинградская область

Мраморная столовая. Фотограф К. В. Силков. 2014 г.

© ГБУК Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина», Ленинградская область

Парадная лестница
Большого дворца. 1944 г.
© ГМЗ «Царское Село»

Парадная лестница
Большого дворца.
Современный вид.
© ГМЗ «Царское Село»

Зал голландской живописи. 1941 г.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017

Зал голландской живописи. Современный вид.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017

Хранилище мебели. 1943 г.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017

Каретный сарай после бомбежки. 1943 г.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017